

К пристани или к буре

(Литературный обзор).

Гражданская война продолжает оставаться неиссякаемым источником художественного творчества. С разных сторон подходят к ней прозаики и поэты, ставя в центре изображения Красную армию пролетариата, первую в мире армию, борющуюся за осуществление социализма. В каком бы разрезе авторы ни подходили к этой теме, у читателя складывается убеждение, что пролетариат вступил в эпоху бури и паники, что мир — в преддверии новых схваток, что наши дни отделены от большой, устроенной пристани социализма промежутками грозных бурь и штормов.

Из художественных работ последнего года, трактующих эту тему, мы остановимся на «Пристань» Иохведа, «Чижиковой лавры» — Соколова-Микитова, «Ухабах» — Новикова-Прибоя и «России, кровью умытой» — Артема Веселого.

Наиболее подробно мы разберем первую работу Иохведа, ибо повесть этого пролетария не подвергалась до сих пор подробному критическому анализу, а между тем по силе темперамента, по облаженной искренности, по остроте затронутых вопросов она заслуживает самого широкого внимания.

В книге Иохведа рассказано о самых жестоких бурях и непогодах, которые переносила наша страна в суровые дни гражданской войны.

Л. Иохвед вместе с рабочим классом провел свирепые бури на корабле революции. Очень характерно, что повесть посвящена б. Южно-Русскому заводу. Посвящение целому заводу встречается впервые даже в пролетарской литературе.

В этой книжке рассказывается о жизни саперной роты во время войны с поляками. В эту роту с разных сторон попадают красноармейцы:

Герд, Кокурин, военком Булкин и многие другие.

Рота идет на фронт, строит мосты, взрывает их при отступлении, попадает в плен и вырывается оттуда, теряя в бою честнейшего бойца революции — Булкина. Рота, пострадавшая на фронте, располагается, наконец, в местечке для стоянки. Начинается полосу культурного строительства: ликбез, клубная и театральная работа. Начинается и некоторое разложение наиболее невыдержанной части бойцов. Один из них — Кокурин, отходит даже к свангелистам.

Затем — демобилизация. Бойцы разъезжаются в разные стороны, переходят на работу по восстановлению хозяйства. И как бы в ответ на слова отошедшего от революции Кокурина, отошедшего к своей «пристань», Герд говорит:

— Какая тут к чорту пристань, когда работы впереди столько. И делов еще больше. Работать надо, а не приставать.

Так кончается эта повесть.

Центральные герои повести — Герд и Кокурин, честный боец революции и человек, отошедший от нее, когда борьба переходила в борьбу тяжелую, ежедневную. Он на хозяйственном фронте находит «пристань». Эти два героя характеризуют бойца и случайного подвизника революции. Но основное внимание Иохведа обращено на описание красноармейской массы.

В отличие от изготовителей штампов, автор показывает нам и честных, преданных бойцов и шкурников. Сосновский во вступительной статье говорит, что иногда о «неприглядных моментах» тяжело слышать, но не знать о них — еще хуже. И

Иохвед безжалостно их показывает. Он умеет выделять основное — служение революции — от наносного.

Но Иохвед умеет показывать не только идеологическое начало. Он очень недурно и правдиво показывает начало биологическое. Начало биологическое не дисгармонизирует с началом идеологическим. Наоборот. Привлечение людских поступков и действий придает особую полноту изложению, лишает его односторонности, которой грешат многие писатели нашего времени.

Иохвед пытается показать на ряду с полусознательными бойцами и организованных посетителей революции. Таким большевиком является военкомдив Булкин.

Булкин олицетворяет собой волю партии, учитывающую обстановку и в зависимости от нее направляющую свои действия.

Когда военком роты Шумик приходит к Булкину и требует смещения некоего Веретти, «у комиссара дивизии Булкина заглялись холодные искры в глубине глаз:

— Много у нас инженеров, Шумик? Много? Отвечайте!

Шумик повторил: — Много. — Нет, по много.

— Так, вот. Снять дивизию не могу. Надо пока сквозь пальцы. И тебя не могу снять. Людей настоящих нет, Шумик. Вот.

Отдал приказ в особый отдел: следить за Веретти. Мягче Шумику:

— Сквозь пальцы надо, а пальцы в кулак. Тактика использования нужна».

Булкин абсолютно трезв. Он умеет считаться с действительностью.

До предела гибкий, в иные моменты Булкин бывает неумолим и тверд. Он умеет отдавать себе отчет в такие трудные моменты, когда, например, мост, переброшенный наскоро через реку, не выдерживает тяжести проходящих через него войск, рушится, а поляки в этот момент начинают обстреливать дезорганизованные, отступающие части

Окруженный поляками, он «последний кусок свинца, верный, не выдавший, пустил себе в рот», только перед этим отдав дивизии последний приказ и вспоминая сына.

Мы чувствуем Булкина, чувствуем, что не могло не быть таких людей в ту суровую пору. Такое время должно было иметь большевиков Булкиных. И автор до известной степени показал их, до известной степени потому, что художественной цельности этой фигуры Иохвед не добился. Для цельности и полноты следовало бы показать, как сформировалась воля партийца, не знающая колебаний. А этого в повести нет. И в этом слабая сторона очень интересной попытки молодого автора.

Но если тут автора и постигла некоторая неудача, то в отношении центральных фигур — Герда и Кокурина — Иохведу удалось показать своеобразное столкновение двух людей из массы. Свообразие этой тязбы тем любопытно, что искания одного — Герда — сопряжены с устремлениями революции, а над исканиями Кокурина тяготет религиозное прошлое.

В заостренном противопоставлении двух друзей — красноармейцев, сражавшихся за революцию и олицетворяющих разные идеологии — весь своеобразный интерес повести.

Образы Иохведа не случайны. Они организованы, вдумчиво отделаны, отшлифованы. Образы у Иохведа служат для того, чтобы ясней дать почувствовать читателю ситуацию. Они подчеркивают напряженность действия.

Веретти, ночью, накануне смещения с должности, собирается покончить с собой. Жена вырывает у него револьвер. Происходит тяжелое объяснение... «Несмело вошла луна, прислонилась к углу, пошарила в комнате и, наткнувшись на Веретти и его жену, испуганно ушла назад».

Иногда повествование отражает в себе ритм излагаемых событий. Так, описание кавалерийской атаки, перемежаемое через две-три фразы сло-

вом «удар—удар—удар», — сразу создает картину скачущей в бой конницы.

Автор сумел насытить свой первый опыт дыханием больших революционных масс.

Подкупающе — непретенциозны страницы «Чижиковой лавры» Соколова-Микитова — тихие и проникновенные, как затерянные и далекие, но внятные грустные русские песни.

«Чижикова лавра» — это история русских военнопленных времен интервенции, мытарствующих по заграницам. Голос республики доносится до интенированных едва-едва, искаженным, заглушенным, с переборами. Он доносится до них через чудовищные вести о голоде, через случайные встречи, злую газетную галматю и, наконец, через приемные наших консульств, через рабочих и революционные волнения тех стран, где они являются вынужденными эмигрантами.

«Чижикова лавра» — тоже пристань, временная, грязная пристань, которую нашли в капиталистическом мире вынужденные и добровольные жертвы кровавой схватки между трудом и капиталом. В случайной капиталистической ночлежке, где эти жертвы находят позорный приют, они постепенно начинают проникаться глубоким сознанием того, что наша советская страна становится оплотом и надеждой для всех угнетенных и поработанных. Они неудержимо стремятся в СССР, чтобы осуществить здесь свой гражданский долг. И все это передано без фанфар, без патетически, искусственно-приподнятых, фейерверочных слов и красок. Язык чист, скромен, и правдив, как в интимной дружеской беседе.

«Ухабы» — Новикова-Прибоя — это исповедь бывшего капитана линейного корабля первого ранга Виноградова, исповедь трезвого, умного, высокодисциплинированного и со-

знательного человека, понявшего, что «напрасно некоторые ждут возврата старого режима. Ушло это от нас безнадежно. Я, беспартийный человек, хотя и принимаю горячее участие на фронтах против белых, я не знаю, куда мы придем, но отлично вижу, что для поворота назад нам все пути отрезаны. Такое впечатлительное сложилось у меня, как у трезвого наблюдателя, исходящего только от фактов».

Где чуть ли не всемирная блокада, пытавшаяся задушить нашу республику огнем и голодом? Я теперь вращаюсь среди низов. Они часто ругают почему зря советскую власть, но все равно они никогда не признают прежних воротил. Никогда».

Отличительная, новая и убедительная сторона этой повести заключается в том, что автор, пользуясь исповедью Виноградова, органически переродившегося и приобщившегося к советскому строю, его же скудными и взвешенными словами ярко вскрывает тот взрыв петропунтальных способностей — умственных, моральных, общественных, которые проявили восставшие матросы на другой день после восстания. Именно потому, что об этом рассказывает бывший капитан, получается впечатление открытия. С беспощадным беспристрастием рассказано о стихийной, безудержной мести матросов в момент восстания, но с тем же беспощадным беспристрастием показано, что организованность массы на другой день после взрыва превращается в высшую справедливость. Они уже не слепо, дико бросают под лед своих вчерашних угнетателей, они устраивают суд и выносят оправдательный приговор капитану, вручив управление судном своему обрату, радисту Смирнову. Виноградов подвергает нового хозяина жизни Смирнова, бывшего малограмотного крестьянина из деревни Харитоновки, который, «если считать попрежнему, занимает адмиральский пост», обстоятельному анализу. Этот обстоятельный анализ превращается в исторический документ, в котором старая, честная русская интеллигенция воздает заслу-

женную дань творческим способностям новых строителей страны, продолжающей с каждым годом крепнуть. Эти строители знают, куда идут. Они крепят страну, чтобы в предстоящих штормах она выходила в бой мощная и полная веры в окончательную победу социализма.

Новый роман А. Веселого «Россия, кровью умытая» уже известен нашему читателю по одной из предыдущих статей.

Здесь следует подчеркнуть общественное значение нового романа самого талантливого и многообещающего автора из молодых. В нем дано перерождение солдата старой армии в гражданина революции.

Старый солдат еще зывал в первый момент переворота: «бог ты наш бог, солдатский, нечестный, немый. И куда ты, бог, твою непорочную, непоганую, невороченную, куда ты подевался и бросил нас, как плохой пастух овец своих? Зачем ты спокнул нас на растерзание злой судьбе и зачем ты, вишвыи, солдатский бог, не жалейшь нашей солдатской жизни».

Автор раскрывает внутренний процесс раскрепощения солдат от богов небесных и земных, и показывает, как преобразился характер русских трудовых масс в огне гражданской войны. Покоряющей художественной страстью веет от тех страниц, где Веселый восходит к дальним предкам этих масс, вливая их вековые порывы к освобождению в разливы Октября. В этих страницах он подымается на большую высоту. Они насыщены неисчерпаемой жизнерадостью «людей без отдыха» — людей труда. Она не покидает их при всех превратностях, озорлет их, вырвавшихся в жестокую Октябрьскую грозу из тысячелетнего проклятия, именовавшегося Россией царей, чтобы с этого момента собственным умом и волей направлять корабль своей страны навстречу новым бурям, к конечной пристани социализма.

С. ПАКЕНТРЕЙГЕР